

УДК 172.3

Т. И. Власова

*Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта
имени академика В. Лазаряна*

ГЕНДЕР И СЕКСУАЛЬНОСТЬ В ТРАНСФОРМАЦИЯХ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

Досліджено концепт сексуальності та її значення у світі «постсучасності», безперервні соціокультурні трансформації, які викликають різноманітні суспільні реакції та невизначені наукові відгуки, в тому числі і поняття соціального конструкта сексуальності, що описується в цій статті.

Ключові слова: концепт сексуальності, соціокультурні трансформації, гендер, постсучасність.

Рассмотрен концепт сексуальности и ее значение в мире «постсовременности», непрерывные социокультурные трансформации, вызывающие различные общественные реакции и неопределенные научные отклики, в том числе и понятие социального конструкта сексуальности, описываемого в данной статье.

Ключевые слова: концепт сексуальности, социокультурные трансформации, гендер, постсовременность.

The subject of this paper is sexuality of the «late modernity» analyzed within the larger project of identity and love in our world of continuing transformation. The author explores the meanings of sexuality and stresses the recent extensive elaboration of sexuality from the gender point of view.

Keywords: concept sexualities, sociocultural transformations, a gender, the postmodernity.

Западный мир в процессе «длительной трансформации» постмодернизма ввел новую тему, постоянно находящуюся в фокусе внимания исследователей постсовременности – сексуальность. Хотя З. Фрейд, несомненно, сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы поставить сексуальность на повестку дня западной науки, очевидно, что, рассматривая человеческий опыт младенчества и детства, он не изучал напрямую сексуальное поведение человека. Новая эпоха в исследованиях сексуальности связана с общим «постмодернистским поворотом». Культурная «лицензия» на размышления о сексуальности (как в письменном, так и в устном виде) была выдана Р. Столлером, М. Фуко, Э. Сиксу, Л. Иригарэ, Дж. Батлер и другими учеными-постмодернистами [1]. В завершающей главе первого тома «Истории сексуальности» Фуко предполагает, что категория пола, предшествуя любой категоризации сексуального различия, сама по себе конструируется посредством исторически специфического способа сексуальности. Производство дискретной и бинарной категоризации пола скрывает стратегические цели самого аппарата производства, постулируя пол как причину сексуального опыта, поведения и желания. Фуко обнаруживает, что эта «причина» является «следствием», производством данного режима сексуальности, который стремится регулировать сексуальный опыт, придавая дискретным категориям пола статус фундаментальных и каузальных функций внутри сексуальности [2, с. X]. Ученые-постмодернисты утверждают, что сексуальность – «никогда просто секс»: все дискурсы о сексуальности – это внутренне связанные дискурсы о чем-то еще; сексуальность – не просто постоянная нить, объединяющая тотальность человеческого опыта, это «конечная зависящая переменная, требующая больше объяснений, чем она может представить» [3, с. IX]. Исследователи доказывают, что сексуальность людей социально продуцируется, социально организуется, поддерживается и трансформируется, то есть изменения в культуре и социуме неизбежно вызывают значительные изменения в сексуальности. Самые последние изменения, которые были привнесены феминизмом, постмодернизмом, мультикультурализмом и глобализацией, оказывают серьезное воздействие на новые сексуальные значения, находящиеся в процессе формирования и требующие своего исследования. В теориях последних десятилетий, касающихся пола и гендера, большое значение, как известно, приобрели концепции социального конструктивизма, в том числе и социального конструирования сексуальности (Дж. Ганьон, У. Саймон и др.). Ученые-феминисты доказывают, что эмпирические данные необходимо извлечь из области биологии, в целом эссенциализма, и поместить их в сфере социокультурного и символического. У. Саймон, один из ярких и плодотворных приверженцев конструктивистского подхода, пишет о силе символизма в сексуальности, подчеркивая значение языка, знака, символа и метафоры как важных составляющих сексуальности [4].

Следующая важная тема в работах, посвященных сексуальности, – это «апокалиптические» социальные изменения, которые медленно, но неизбежно «нисходят» на человечество. Отмечается, что сейчас мы все в большей и большей степени проживаем наши жизни совершенно отлично от того, что человечество переживало ранее [5]. В центре подобных теорий лежит признание социальной и символической природы сексуальности, «денатурализирующий»

посыл, утверждающий, что сексуальность в огромной степени склонна к «случайному контексту и метафорической неразберихе».

П. Бурдые, анализируя всепроницающую мужскую власть, утверждает, что доминирование происходит посредством «символического» насилия, «нежного» насилия, непостижимого и невидимого даже для его жертв. Символическое насилие является, по мнению автора, самым мощным оружием в арсенале мужского господства. По Бурдые, одна из самых главных бинарных оппозиций, охватывающих сферу сознания, это эрос vs логос, где эрос рассматривается как женская способность эмоций, а логос – мужская способность размышления. В последнее издание «Мужского доминирования» Бурдые включил также послесловие о проблеме доминирования в любви, поставив вопрос: является ли любовь исключением к закону о мужском доминировании или высшей формой насилия? В весьма романтическом ключе французский философ дает утвердительный ответ на первый вопрос [6].

Женская сексуальность всегда была привлекательной темой в дебатах ученых разных направлений и, в целом, наук, стремящихся показать, как женская сексуальность маскируется и деформируется в социокультурном контексте. Искажение фемининного всегда описывалось в терминах особого вида условности, и сейчас специфический характер этой условности достаточно отчетливо виден: женщина рассматривается как сексуальный объект для оценки и использования другим сексуальным существом – мужчиной. Ее сексуальность отрицается и идентифицируется как пассивность. Как замечает Г. Гриер, характерные женские черты, которые восхваляются и вознаграждаются, – это характеристики кастрата (евнуха): робость, скромность, апатичность («томление»), деликатность, утонченность, изысканность [7, с. 17]. Сложный конгломерат навязанных характеристик души и тела лежит в основе самого главного фемининного стереотипа – мифа о Вечной Женственности, и сейчас правящего нашей культурой и олицетворяющего то, к чему должны стремиться женщины.

Предполагая, что «богиня потребительской культуры» – это артефакт, исследователи анализируют, как она создана, в чем состоит «производство ее души». Утверждается, что самый главный элемент в этом процессе – это подавление энергии. Поскольку не получено валидных научных доказательств того, что женщинам не свойственна логика, и они вообще глупы, то появляется новое выражение старого предрассудка – «женская власть». Как утверждает Г. Гриер, «кастрация» женщин происходила в терминах маскулинно-фемининной полярности; мужчины, обладающие энергией, направили ее в агрессивную конкистадорскую власть, редуцировав гетеросексуальные контакты к садомазохистской модели. Последнее, несомненно, означало искажение наших представлений о любви, без которой, как утверждается в христианстве, не было бы и мира, поскольку «Бог есть любовь».

Если бы все управлялось Танатосом и не было бы Эроса, то не было бы самой идеи космических изменений, «музыки сфер», присущей всем культурам идеи креативной силы, движимой желанием и подавляемой смертью. В различных культурах и социумах, в различные исторические эпохи энергия, создание, развитие и гармония происходят под эгидой любви, в сферах Эроса. Но все это имеет незначительное отношение к любви, стереотипно являющейся

«судьбой» женщины. Последователи Платона полагали, как известно, что женщины вообще не способны на любовь, потому что они значительно ниже мужчин физически, интеллектуально и вообще в представлениях о физической красоте человека. Любовь невозможна между низшим и высшим. Если любовь должна быть взаимной, то и предмет любви должен быть социокультурно равным, поскольку такая любовь основывается на понимании, доверии и общности интересов.

Аргументы о совместимости людей, вступающих в брак, базируются на рабочем понимании принципа паритетности в любви, но если не рассматривать «общность интересов» на уровне хобби, скажем, любви к театру, кино или книгам, то разрыв между полами остается огромным, и потому узы мужской дружбы могут объясняться простым принципом гармонии: «*similes inter pares*». С другой стороны, отмечается, что «женская кастрация» приводит к концентрации чувств на партнере-мужчине. Более того, женщины «не могут любить», поскольку вследствие недостатка нарциссизма они не получают удовольствия от созерцания себе подобных – женщин. По сути, действие ненадежности положения женщин, подрывающего природный нарциссизм, лучше всего проявляется в их использовании нарядов и макияжа (уловки, которыми женщины очень хорошо владеют). В мировой литературе много писалось в «братстве» людей, имея в виду, безусловно, мужчин, и когда мы говорим о братстве себе подобных, включая туда и женщин, мы понимаем, что это не совсем так: концепт сестринства, бывший достаточно популярным в последние десятилетия ушедшего века, имел все же отчетливо феминистскую окраску, иногда – радикально феминистскую.

Безусловно, любовь людей базируется на понимании и общении. Это любовь, научившая нас говорить друг с другом так, что только Танатос заставит замолчать. Вся мировая литература – в той или иной степени – акт любви. Если попытаться представить достижимый идеал, то можно опереться на А. Маслоу, который предлагает свой идеал личности, постигающей реальность взглядом «невинного ребенка», не стремящегося отвергнуть ее. Такое отношение к миру феноменов не управляется личной необходимостью эксплуатировать его или быть эксплуатируемым, но желанием наблюдать и понимать его [8, с. 208–246]. Маслоу пишет: «Еще одна характерная черта, обнаруженная мною в любви здоровых людей, – это действительное отсутствие отчетливой дифференциации ролей и личностей двух полов. То есть они не предполагают, что женщина должна быть пассивной, а мужчина активным – в любви, сексе или в чем-то ином. Эти люди так уверены в своей мужественности или женственности, что не возражают против принятия некоторых сторон роли противоположного пола...» [8, с. 245]. Хотя то, что предлагает Маслоу, – это своего рода компромисс между Эросом и цивилизацией, однако мы все вовлечены в «работу» этого компромисса, поскольку гендерные стереотипы чрезвычайно устойчивы, и требуется немало смелости и независимости со стороны женщины для того, чтобы создать свой собственный образ, независимый от социокультурных условностей. С другой стороны, очевидно, что если говорить о любви, то женщины должны отказаться от тех ролей, которые предлагаются им в обществе. Как слабые, низшие и неуверенные существа, они никогда не смо-

гут любить благородно, им не доступен идеал платонической любви, или Эроса, как стабилизирующей, творческой, гармонизирующей силы во вселенной. Любовь равных – это дух общности, единства и правды. Действительно, мужчины и женщины любят по-разному, вернее, их поведение, определяемое этим термином, разное. Общим является то, что наши жизненные стили управляются, скорее, Танатосом, чем Эросом, потому что эгоизм, эксплуатация, обман, пагубные привычки и одержимость занимают значительно больше места в нашей жизни, чем эротика, щедрость, благородство, радость и спонтанность. С разрушением идентичности «постсовременного» человека секс в качестве любви также разрушен, потому что, как пишет Болдуин, «любовь – это путешествие, которое двое должны проделать вместе» [9, с. 191], и такая любовь не может управляться Танатосом, потому что ее внутренняя сила – это мощь чувств, преобразованных в нежность и сострадание, которые, в свою очередь, трансформированы любовью в сложную страсть, «нежную страсть», не способную на разрушение.

Современные ученые исследуют мир сексуальности и любви, мир доминирования и подчинения с разных позиций, используя различные научные подходы, но в «мейнстриме» этой темы по-прежнему доминирует язык биологии: доказывається, что любовь и сексуальность управляются целями репродукции. Социальные аспекты отношений двух полов зачастую рассматриваются как драма (К. Бурк, Э. Гоффман и др.), в которой устойчивые правила и фиксированные формулы облегчают переживания и жизнь, оставляя достаточно места для «импровизаций». Психоанализ последних лет по-прежнему уверенно стремится к «расшифровке» символизма пола и сексуальности (один из самых ярких примеров – Г. Когут). Поиски «метаправды» пола и сексуальности осложняются общим недоверием постмодернизма к метанарративам; поиски валидного научного решения, правильной политической позиции, линейной прогрессии и теоретической чистоты не подкрепляются, как правило, сильной аргументацией. В то же время все солидные западные труды последних лет, посвященные «поздней современности», не обходятся без рассмотрения сексуальности, поднимая много важных вопросов о том, в каком направлении она будет развиваться в XXI в. Таким образом, в постмодернистских проектах еще много теоретического пространства как для анализа природы субъективации и изменений идентичности, так и исследований многих других проблем, составляющих понятие сексуальности.

Библиографические ссылки

1. **Irigaray L.** Ce sexe qui n'est pas un / L. Irigaray. – Paris: Editions de Minut, 1977. – 217 p.; Cixous H. On the Feminism / H. Cixous. – New York: Pantheon, 1996. – 200 p.
2. **Foucault M.** Herculine Barbin, Being the Recently Discovered Memoirs of a Nineteenth Century Hermaphrodite / M. Foucault. – New York: Colophon, 1980.
3. **Plummer K.** Foreword // Simon W. Postmodern Sexualities. – London: Routledge, 1996.
4. **Simon W.** Postmodern Sexualities / W. Simon. – London: Routledge, 1996. – 179 p.
5. **Giddens A.** The Consequence of Modernity / A. Giddens. – New York: Polity Press, 1991.
6. **Bourdien P.** Masculine Domination / P. Bourdieu. – Stanford: Stanford University Press, 2001. – 133 p.

7. **Greer G.** The Female Eunuch / G. Greer. – London: Harper Perennial, 2006. – 397p.
8. **Maslow A. H.** Motivation and Personality / A. H. Maslow. – New York: Harper Collins Publishers, 1987. – 293 p.
9. **Baldwin J.** Another Country / J. Baldwin. – New York: Dell Publishing Company, 1972.

Надійшла до редколегії 22.12.09